

К Р О К О Д И Л

Разрез головы немецкого солдата *

Разрезал голову сабельным ударом донской казак Григорий Мирошниченко.

Рис. Н. Радлова

Рис. К. Елисеев

— Ох, и дерутся финские солдаты!..
 — Разве ты ходил с ними в атаку?
 — Причем тут атака? Вчера подрался с одним финским солдатом.

Приезд героя

Сегодня в доме весело,
 Сегодня пир горой:
 Из Действующей армии
 Приехал сын-герой.

Коней колхозных выслали
 На станцию с утра,
 И он сошел с почтового
 Под громкое «ура».

И обнял он родителей —
 Мамашу и отца, —
 И сам начальник станции
 Слезу смахнул с лица.

И тронулись, поехали
 Со станции в колхоз.
 Он узнавал окрестности,
 Где он мальчишкой рос.

Березовая рощица,
 За ней сосновый лес,
 А вот налево — пасека,
 Направо — МТС.

Остановились лошади,
 Дошел он до сеней
 И все кругом захоптели
 Все громче и сильнее

Заслуженному летчику
 В кожанке фронтовой
 За подвиги геройские,
 За орден боевой.

И он сказал: «Товарищи,
 Я вас благодарю!
 Я вам красноармейское
 Спасибо говорю!»

Три года, как покинул я
 Свой дом и свой колхоз,
 И стал военным летчиком,
 Ведущим бомбовоз.

Для родины, для Сталина
 Не жаль мне ничего!
 И все опять захоптели,
 Приветствуя его.

И оклеив толпу народную
 Пройдя с большим трудом,
 Вошел он в дом
 Родительский —
 Простой крестьянский дом.

Вошел — и в светлой горнице
 Вдруг стало днем темно:
 Все будущие летчики
 Язылись под окном.

СЕРГЕЙ МИХАЛКОВ

В Кенигсберге, в бомбоубежище

— Который час, герр Шульц?
 — Один час двенадцать минут семь секунд.
 — Ох!..
 — Что? Кто там вздыхает? Это вы, фрау?
 Так, так... Что вы хотели этим сказать?
 — Я хотела этим сказать, герр Шмуцке,
 что... что я отсидела правую ногу.
 — Это хорошо. Но в таком случае надо
 выражаться более точно, дабы окружающие не
 подумали, что ваш вздох есть упадок на-
 строения.
 — Наоборот, мне очень весело, герр Шмуц-
 ке. Я так довольна, так довольна!..
 — Это очень хорошо, фрау Мюллер.
 — Кто это фрау Мюллер?
 — Из семнадцатой квартиры. Муж ее ког-
 да-то был электротехником.
 — А сейчас?
 — Сейчас он уже не электротехник. Сегод-
 ня утром она получила известие, Убит в
 России.
 — За эту неделю уже четвертый раз мы
 здесь сидим.
 — Не четвертый, а третий!
 — Вы ошибаетесь, герр Шмуцке: четвер-
 тый!
 — Третий! Поскольку о первом не было
 никакого официального оповещения, первый
 раз не считается. И так, первого раза не бы-
 ло. Начинаем считать прямо со второго. Вто-
 рой, третий, четвертый. Итого — три раза.
 — Интересно: кто это сегодня палетел?
 Англичане или русские?
 — Англичане не могут. Поскольку герр
 Геринг давно сказал, что более ни одна ан-
 глийская бомба не упадет на Германию.
 — Значит, русские?
 — Русские не могут. Поскольку герр Геб-
 белс еще в прошлом году сказал, что у
 русских не осталось ни одного самолета.
 — Кто же бросает фугаски на Кенигсберг?
 — Никто не бросает. Это все учебные тре-
 воги.
 — Ой!
 — Спокойно! Тихо! Без паники!
 — Слыхали, какой взрыв?
 — Это учебный взрыв.
 — Ой! Опять учебный взрыв!
 — И еще более сильный. Учеба идет в
 гору.
 — В прошлую тревогу одна учебная фу-
 гаска оторвала голову моему дяде.
 — А другая учебная фугаска попала в за-
 вод — двух цехов как не бывало.
 — Да, учеба дорого стоит...
 — Кто там завел разговор о дороговизне?
 Прошу прекратить!
 — Уф! Я только что подымался наверх.
 Смотрел в окно. В городе много пожаров.
 — Учебных?
 — Да, да. Рядом с нами целый квартал
 охвачен учебным огнем: слышны учебные кри-
 ки людей.
 — Ужас! Меня охватывает... учебный страх.
 — Еще я видел там в окне: кареты везли
 убитых и раненых.
 — Это не настоящие: это учебные кареты
 везли учебных убитых и учебных раненых. И
 вообще кто вам позволил бегать и смотреть
 в окно? Завтра прочтаете газеты и все уз-
 наете. Я уверен, что там ничего о том, о чем
 вы рассказываете, не будет ни слова. Какое
 же право вы имеете распространять сведения,
 неопубликованные в печати? Ваша фамилия?
 — Ай!
 — Майн готт!
 — Какой ужас! Стена рухнула.
 — Ведь это же — учебное бомбоубежище.
 — Встаньте, фрау Мюллер, очнитесь. Все
 окончено.
 — У нее учебный обморок.
 — А что стало с герр Шмуцке?..
 — Стена прямо на него навалилась. Бедный
 герр Шмуцке! Царство ему учебное...

Г. РЫКЛИН

— Спасибо, голубчики! Опять насорили!

Глубокая разведка

РАЗНЫЕ мне приходилось слышать истории, но такой, откровенно скажу, не слышал. Рассказывал мне ее разведчик Толстов, Алексей Николаевич. Вот она вам слово в слово:

— Надо вам заметить, что гражданская моя специальность—сторож на городском кладбище. Вот я вижу: вы улыбаетесь! А это я к тому говорю, что к работе разведчика я никакого отношения прежде не имел.

Когда попал я в разведотряд, стал ходить за «языками». Дело это для меня было непривычное, но ничего: привык, наловчился. Первый случай, правда, был не очень удачный. Схватил я немца—он вырвался. Я в него гранатой. Получился из «языка» покойник. Поэтому я вам про другой случай расскажу.

Пошли мы опять за «языком»: я, Плетушкин и Кругликов. Наскочили на адоровенный отряд. Нас трое. Немцев шпук двадцать. Действовали мы, в общем, неплохо. Перебили, наверное, половину и потопызли, куда было условлено. И тут со мной неполадка вышла: только ополз—добавило меня нем-то по го-

лове. В глазах стало темно как в могиле. Пока я, как говорится, удивлялся и приводил мысли в порядок, отволокли меня немцы довольно далеко.

Привели на допрос. Ничего, говорю, вы от меня не узнаете, кроме того, что я сам пожелаю сказать. Зовут меня Толстов, Алексей Николаевич. По национальности я русский. Родной мой язык—русский. И во рту у меня русский язык, присягу не нарушает. Я знаю, вы меня расстреляете, но и вам не уйти живыми: похоронит вас советские бойцы по первому разряду.

Повели меня на расстрел: обер-лейтенант и пять рядовых. Дошли до опушки леса, суют мне в руки лопату: «Копай!» Дело привычное. Стал рыть могилу. Горка земли растет, а я поглядываю на фрицев: «Эх, думаю, какие «языки» пропадают. Никакой из меня разведчик не вышел». А обер-лейтенант смотрит в яму и горюет: «Шнель, шнель!» Я ему руками показываю: «Не учи, мол, сам знаю».

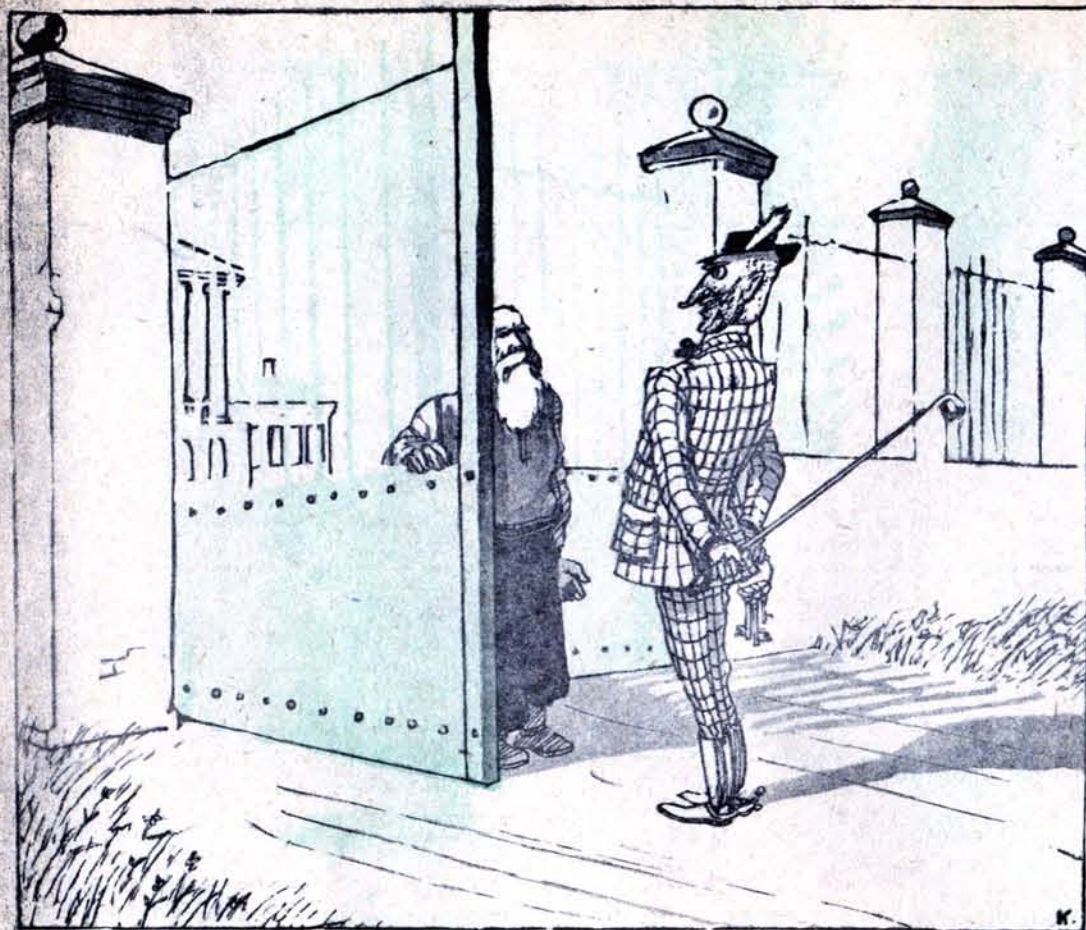
Рою себе могилу и вдруг слышу: летят. Засуетились немцы. Попадали носами в землю.

Ну, думаю, наши! И вдруг пфффффиняюууу..! Как ахнет! По самой опушке. Я пригнулся в могиле, только успел подумать: «Ладную я себе щель выкопал!»—как свистнет! Меня только землей закидало. Могилка спасла! Вот получилось правильное взаимодействие наших воздушных сил с отличным разведчиком в глубоком тылу! Я тем более доволен, что обер-лейтенант оказался потом разговорчивым и дал в штабе очень ценные сведения. Уж я ему устроил вынос! До самых наших окопов тащил на себе. Он даже не пикнул ни разу: молчал, как покойник на панхиде. А в сумке у него карта оказалась. Артиллерия наша через два часа накрыла их огневые точки, как дубовой крышкой... Ну а что касается других пленных немцев, то могила для них там готова. Глубокая такая, квадратная, в общем на дюбителя могилы Толстов рыл! Одним словом, считаю, что это лучшая из всех вырытых мною могил!

Ираклій АНДРОНИКОВ.

Калининский фронт.

Рис. А. Каневского

— Наконец-то я в русском имени своего папаша! Пожди, ждет он меня?
— Ждет, ждет, царствие ему небесное!

Большой лазарет

ПРЕДСТАВИТЕЛЬ германской военно-санитарной службы был настроен весьма решительно.
— Некуда класть раненых,— сказал он Гитлеру.
— Плохо,— сказал фюрер.— Сами виноваты: надо было раньше думать.
— Тут не только наша вина,— сказал представитель военной медицины,— раненые все прибывают и прибывают.
— Довольно! — строго сказал Гитлер.— Перестаньте болтать! Возьмите... ну, что бы вам отдать под лазарет? Ну, возьмите Данию.
— Что?! — удивился представитель военной медицины.— То есть как — возьмите?
— А очень просто: берите Данию и устраивайте там лазареты.
— Страна уж очень маленькая. Вы не представляете себе, какое количество раненых. И потом, что у них, у датчан, брать?
— Ну как это — что? Возьмите школы.
— Превосходно! В самом деле, какие-то датчане и вдруг — школы. Разрешите, мой фюрер, я возьму кусочек бумажки и буду записывать по порядку. Значит, так. Первое: все датские школы. Хорошо. Еще что?
— Скажите Квислингу, что я велел занять под лазареты все больницы и лечебные заведения в Норвегии.
— Слушаюсь. А как же их собственные больницы,— так сказать, норвежцы?
— Что?
— Я говорю в том смысле, мой фюрер, что если норвежец там заболел, ну там тиф или холера, головные боли, рвота.
— Мне кажется,— сказал фюрер,— что ваша деятельность ограничена германской санитарной службой. Или, может быть, я ошибаюсь?
— Нет, нет,— угодливо сказал представитель медицины.— Вы не ошибаетесь. Вы совершенно правы. Могут же датчане обойтись без школ, почему же норвежцы не могут обойтись без больниц?! Так. Записал. В Норвегии берем больницы. Дальше.
— Что, еще мало?
— Мало.

— Вену берите.
— Слушаюсь. А что именно разрешите взять в Вене?
— В Вене что? Ну, гостиницы возьмите.
— Светлая мысль! Действительно, в тот момент, когда норвежцы больниц не имеют, венцам, понимаете, еще гостиницы подавай. А что если, мой фюрер, у венцев тоже учебные заведения забрать?
— Забирайте.
— Тем более, не видно, чтобы они чему-нибудь путному учились, эти самые венцы. Все только недовольство! Так, записали Вену. Что разрешите взять у греков, мой фюрер?
— Салонки возьмите. Там тоже учебные заведения и лечебные учреждения. Ну, может быть, все?
— Что вы! Нужно еще.
— Дунай берите.
— То есть как — Дунай?
— А так просто: Дунай и Дунай.
— Это же, извиняюсь, река.
— Ну что ж из того, что река?
— Не понимаю. Как же раненые — и вдруг в реке?
— Вы болван! Пароходы на Дунае есть?
— Безусловно.
— Ну так вот их и возьмите под лазареты. Ну все?
— На первое время постараюсь, так сказать, ограничиться.
— Что значит на первое время? Мало я вам выдал помещений?
— Господи! — сказал представитель медицины.— Что я, себе, что ли, беру эти помещения?
— Ну ладно, ладно,— сказал Гитлер.— Когда понадобится, придете опять. Подберу что-нибудь.
— Спасибо. Только, имейте в виду: нам нужен большой лазарет, очень большой. А нельзя ли, мой фюрер, так выбрать какую-нибудь страну побольше — ну, вроде Франции, — и под лазарет ее, а жителей — ну, куда-нибудь там переселить, что ли?
— Подумаю,— сказал Гитлер.

К. ФИНН.

Рис. А. Баженова

— Моя дивизия нуждается в пополнении, господин генерал!
— Сколько вам нужно?
— Дивизию!

Зарубежный юмор

ГИММЛЕР НАД ПРАГОЙ

Назначенный ответственным за противовоздушную оборону Гиммлер ночью поднялся на самолете над Прагой — проверить, как чехи соблюдают правила о затемнении. Посмотрел и остался доволен: нигде ни щелочки.
— Можно лететь обратно,— говорит пилоту.— Да сбросьте-ка им для остроты пару бомб.
— Эдва грохнул взрыв, внизу в десятке мест зажглись огни, а в центре города появилась светящаяся надпись:
«Добро пожаловать, английские друзья!»

(С чешского.)

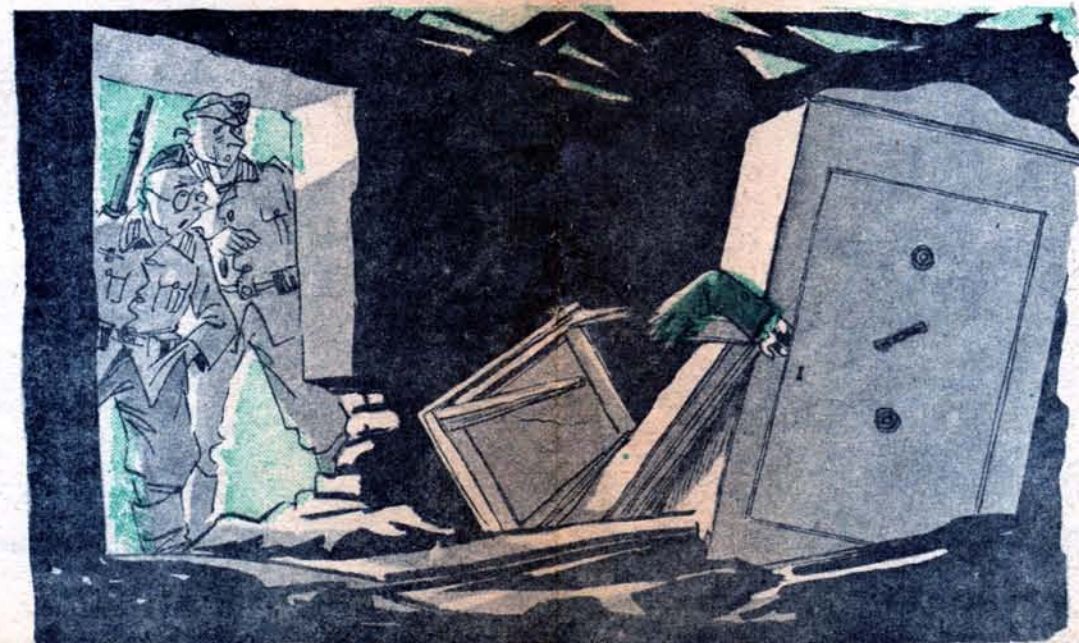
ПАРИЖСКОЕ РАДИО

В префектуру прибежала взволнованная мать: потерялся ребенок.
— Мы известим полицейскую станцию,— сказали ей.— Если хотите, можно также объявить по радио.
— Да, да, пожалуйста, объявите,— крикает плачущая женщина.— Только нельзя ли по лондонскому? Парижского-то у нас никто не слушает...

(С французского.)

ПОВЕЗЛО

Рис. Б. Клинка

— Посмотри, Карл, снаряд разорвался около полковой кассы.
— А деньги целы?
— По несчастливой случайности. В кассе обнаружена оторванная рука обер-лейтенанта.

Рис. Б. Фридкина

— Сколько раз тебя предупреждали держать язык за зубами!
— А где взять зубы, господин полицейский? Ведь в гестапо их давно все выбили.

Свинные рыла

«Ничего не вижу... Одни свиные рыла кругом...»
(«Ревизор». Действие пятое.)

Музей, усадьба или могила —
Все, что нам дорого и мило,
В чем обаянья аромат, —
Все это топчет сапожником,
Самодоволен и напыщен,
Одушевленный автомат!..

Старинный дом... Гранитный цоколь...
Резьба мемориальных плит...
— Кто жил здесь?
Кто учился?
— Гоголь!

— Кто он такой?

Чем знаменит?
Ты не слыхал, и ты не веришь,
Тебе — о прусский офицер! —
И Гоголь чуден в такой же мере,
Как Диккенс, Свифт или Шекспир!

О ты, затянута шкура,
В твоём коричневом доме
Тебе и Шиллер — не фигура,
Тебе и Лессинг ни к чему!

Ты их понять никак не можешь,
Ты сверх — принципиально — туп,
Ведь прозу в кашу не положишь,
Ведь из стихов не сварить суп!

И даже самой лучшей драмой
Ты не набьешь желудок свой!
Вот Гоголь осквернен той самой
Известной бурю свиной.
Идет свинья, заходит с тыла,
Кровь от хвоста и до бровей —
Везде одни свиные рыла
Чисто эсэсовских кровей,
И хрюкают они, и скажут,
И задом чешутся о тын...
Что для свиней арийских значит
Литературный апельсин?

Им без культуры даже лучше!
Что им искусство? Ничем!
Пусть будет этот грязный случай
Исследован и изучен,

Пусть будет он навеки признан
Советом из ученых лиц
Памятником идиотизма,
На признающего границ!

Все, что нам дорого и мило,
Мы восстановим в свой черед —
Все будет снова так, как было,
Но эта плятька не укрепит
Чем больше в мерзостном нажиме
Враг будет гадить, озверев,
Тем крепче,
тем неуверимей,
Тем яростней народный гнев!

Рис. Г. Валька

Месторасположение некоторых финских частей.

ЭТО была самая обыкновенная кошка. Рыжая, с белыми пятнами. Она была полудня и жалобно мяукала, когда связисты Кобзин и Гридзин нашли ее где-то под забором полуразрушенного снарядными и минами поселка.

Связисты накормили кошку, но недосыта. У них были для этого свои соображения.

...Связисты должны были поддерживать бесперебойную проводочную связь между наблюдательным пунктом, выброшенным на передовую линию, и артиллерийской батареей, которая вела огонь по белофинским дотам.

Враг не мог изщупать ни наблюдательного пункта, ни батареи, но зато он вволю бесчинствовал над телефонными проводами. Белофинны словно чувствовали, что на этом небольшом, в 400 метров, участке — от полуожженной школы до бараков — тянутся нервы досаждавшей им батареи. И они щедро бросали сюда снаряды и мины. Кромсали и рвали телефонные провода к великому огорчению трудолюбивых связистов.

Кобзин и Гридзин упрямо, под огнем, восстанавливали связь. Но провода опять прерывались, и все начиналось сначала.

Кошка

Подумали наши связисты и решили обмануть белофинских минометчиков. Пришла им мысль провести телефонные провода под землей. Но для этого траншею нужно рыть. А место это просматривается противником, простреливается. Да и ночью в Карелии сейчас все равно, что день, — не спрячешься. Опять пришлось задуматься Кобзину и Гридзину.

Пошарили они тогда около здания, порыскали и обнаружили водопроводную линию, которая тянулась в нужном направлении, хотя и не по прямой линии, но все же на достаточной глубине, чтобы быть неуязвимой для белофинских мин.

Но кто же сможет пролезть в лоток для водопроводной трубы? Туда и голова не проходит, куда уж там туловище. Опять для связистов загадка.

Но вот тут-то и родилась эта идея. Кому она первому пришла

в голову, трудно сказать. Во всяком случае, на поиски кошки кинулись оба. И вот теперь была у них одна единственная, оставшаяся во всем поселке кошка.

Привязали связисты ей на спину три конца телефонного провода и пустили в лоток. С одной стороны отверстие закрыли, а с другой — стали кошку звать. Кошка пошла и потянула за собой провода.

На улице через каждые сорок метров были водопроводные колодцы. И так вот, от этажа к этажу, и шла кошка, вытягивая провода по всем извилинам водопроводной трубы. Перед каждым новым отрезком пути кошке давали отдохнуть и затем пускали снова.

Кошка ступала по самой верхней части трубы, и таким образом провода ложились на самое сухое место. В одном месте кошка сорвалась и упала в лужку прунтовой воды. Но она сейчас же

выбралась и продолжила свою работу. В другом месте она запуталась в проводах. Связисты уже с тревогой считали минуты. Но тут оказалась их предусмотрительность. Недосыта накормленная кошка, стремясь к новым подачкам, нашла в себе силы распутаться и выбраться из лотка.

Трудновато было ей и на последнем этапе пути: здесь труба шла по наиболее извилистой и ломаной линии. Кошке тяжело было тут тащить сразу три провода, пришлось ее пускать три раза с одним проводом.

И вот, наконец, вымокшая, но бодрая кошка появилась в нужном месте, выполнив до конца боевую задачу. Связисты, конечно, вознаградили ее по заслугам. Теперь белофинны могли сколько угодно бросать на этот участок свои мины. Телефонные провода были неуязвимы, и артиллерийская батарея вела зрячая, точная в своем огне.

Когда командир батареи, старший лейтенант Зайцев, узнал об этом факте, он распорядился: «Кошке сохранить в батарее».

Вл. КУРОЧКИН

Действующая армия.

— Ну, как наши пессимисты, исправляются?
 — Частично, фюрер. Раньше они твердили: «Увы, Гитлер проиграет войну!», — а теперь все уверенней говорят: «Ура! Гитлер проиграет войну!»

Метким ударом

(По столбцам красноармейской печати)

НАДУЛ

— Посмотри-ка, Фриц! Наш обер-лейтенант кричал: «Вперед!», — а сам взлетел кверху.
 («В бой за родину».)

ПОПОЛАМ

— Ну, как жилось в Голландии, Фриц? Наверное, весь голландский сыр забрали?
 — Ну, не весь. Поделались с населением. Сыр-то у них со слезой. Так вот, себе мы сыр взяли, а населению оставили слезу.
 («Боевая красноармейская».)

ТОНКИЙ РАСЧЕТ

— Скорей бы наш обер-лейтенант отдал жизнь за фюрера.

— А что?
 — Да сапоги у него добрые.

(«Краснофлотец».)

МАСКИРОВКА ПО-НЕМЕЦКИ

→ Господин генерал, мои солдаты от голода стали точно тени.
 — Великолепно. Это позволит им лучше скрываться от противника.

(«За нашу родину».)

«НОВЫЙ ПОРЯДОК»

→ Что это так злятся Хорти и Антонеску?
 → Пустяки! У них разногласия по транспортному вопросу.
 — ???

— Хорти хочет оседлать Антонеску, а Антонеску желает взвзудать Хорти.

(«Красноармейский удар».)

ШОПОТОМ

— Не понимаю, зачем фюреру надо было стать еще и верховным судьей Германии?
 — Он боится, чтобы его не судили.

(«Знамя советов».)

СЛАДКИЕ ВОСПОМИНАНИЯ

— Помнишь, Карл, еще год назад мы брали все, что попадалось под руку.
 — Да, но тогда у нас с тобой были и ноги и руки.

(«Сын родины».)

В ОДНУ ИЗ НЕДЕЛЬ

— Партизаны? Я их не боюсь! — сказал новый немецкий комендант (старого партизаны убили). — Объявляю неделю по борьбе с партизанами!
 О том, как прошла эта неделя, и рассказывают рисунки нашего художника Бор. Ефимова.

ПОНЕДЕЛЬНИК

— Нечего сказать, хорошо начинается неделька!.. — сказал приятель коменданта немецкий бургомистр, когда партизаны в понедельник потащили его на расстрел.

ВТОРНИК

«Вторник — легкий день» — говорит русская пословица. И, действительно, в этот день немецкий эшелон на станции легко взлетел на воздух.

СРЕДА

Как видите из рисунка, среда заела господина обер-лейтенанта.

ЧЕТВЕРГ

— Рус, сдавайся! — кричали немцы.
 — После дождика в четверг! — ответили партизаны.
 И вот что случилось после дождика в четверг.

ПЯТНИЦА

Невеселая была пятница у нового немецкого коменданта. «Хорошо, что не семь пятниц на неделе», — думал он, улетающая от партизан.

СУББОТА

Во субботу, в день ненастный...

Бор. Ефимов 42.

ВОСКРЕСЕНЬЕ

День отдыха.

Рис. Бор. Ефимова